

Виктор Слипенчук

Поэт, прозаик и публицист, автор множества поэтических сборников, рассказов, повестей и очерков. Среди его произведений – поэтические книги: «Свет времени», «Путешествие в Пустое место», «Чингис-Хан», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Зигзаг». Романы – «Огонь молчания», «Зинзивер». Пьесы для театра в десяти эпизодах «Губернатор». Многие книги переведены и изданы во Вьетнаме, Китае, Монголии, Сербии, Фран-

ции и Японии. Родился в 1941 году в Приморском крае, в селе Черниговка. Получил два высших образования, двадцать три года прожил на Алтае и первое своё стихотворение опубликовал в 14 лет. Работал геологоразведчиком, зоотехником, матросом, рыбоводом, строителем и журналистом. В 1982 году Виктор Слипенчук был принят в Союз писателей СССР. После окончания Высших литературных курсов направлен на усиление Новгородской писательской организации, руководил областным литературным объединением, был редактором радиожурнала «Литературный Новгород» и газеты «Вече». С 1996 года живёт в Москве. В 2009 году избран академиком Академии русской словесности, в 2016-м Московская писательская организация вручила В.Т. Слипенчуку знак «Почётный писатель МПО РФ».

В золотой обёртке

Много раз я просил свою жену Галину рассказать о себе. Всякий раз она отвечала, что ей нечего рассказывать: вся её настоящая жизнь началась с момента нашей встречи. «Тогда расскажи о своей учёбе в школе, когда ты была Южаниной, – настаивал я. – До института ты получила общедоступное среднее образование – как ты училась? Внукам будет интересно». «Внуки» – магическое слово. И она согласилась.

Мне представляется, что её рассказ помогает глубже понять историю не только нашей семьи, но и великой страны.

– Мои родители – из кулаков Больших Ук. Это недалеко от Тары, а Тара от Омска в трёхстах километрах на север. Впрочем, как и Большие Уки. Правда, в Больших Уках я ни-

когда не была, потому что из Тары туда можно было добраться только зимой, когда застынут болота, а зимою я училась.

По отрывочным рассказам *спецпоселенцев* знаю, что через Большие Уки проходил Большой Сибирский тракт. В до-исторические времена, то есть до Октябрьской революции, по нему ходили путешественники, учёные и каторжане. Ещё купцы – завозили из Китая чай. После Тобольского централа (пересыльной тюрьмы) в Больших Уках была первая официальная остановка почти на трое суток. Государыня-матушка Елизавета Петровна, обеспокоенная здоровьем своих подданных, поставила здесь два вместительных помещения. В одном останавливались офицеры, солдаты и прислуга, в другом – каторжане. Так вот с этих двух помещений, построенных у речки Большие Уки, и возникло в XVIII веке одноимённое с речкой поселение.

Всю жизнь до раскулачивания родители жили в Больших Уках. Мой отец – Михаил Алексеевич Южанин, моя мама – Маримьяна Павловна (в девичестве Хорькова).

Теперь все знают, что кулаков-эксплуататоров в Сибири не было. Если и нанимали кого-нибудь, то только на сбор урожая, на сезонную работу. А мы вообще никого не нанимали, отец сам управлялся. Сегодня мы помогаем соседям, а завтра соседи помогают нам. Так в основном и жили все в Больших Уках. В «Истории Сибири» прямо сказано, что кулаков в Сибири не было, но об этом не пишут в газетах и не говорят по радио, не хотят невинным людям бередить раны.

Когда нас раскулачивали, у нас было три лошади, две коровы и полтора десятка овец. Конечно, хороший бревенчатый дом. Надо понимать, что зимой, когда в Омске температура под минус тридцать, в Таре и в Уках она под сорок. И как обойтись без овец – из чего шить тулупы и кожухи?! А как без лошадей?! Лошадь по тем временам – основная тягловая сила и гужевого транспорт.

Когда у нас всё забрали, погрузили всю семью на наших же лошадей и погнали до Омска. Почти триста километров. Тоня, Валя и Аня, мои старшие сёстры, кое-что запомнили из этого «путешествия» *спецпоселенцев*, но в основном – как из Томска нас гнали на север в Каргасокский район, в Усть-Чижапку. Речка там такая есть и тоже в честь неё – поселение. Во вре-

мя нашего пути – а нас до Томска везли в товарных вагонах, после мы шли пешком, плыли на каких-то баржах, – и всюду такие же оборванные люди, как и мы, обзывали нас врагами народа. Мы были как пленные в своей родной стране.

Я родилась в 1938 году уже в Усть-Чижапке – 10 июня. Люди подгадывали так, чтобы дети рождались не зимой, как раньше, а летом, потому что рождённые зимой умирали от недостатка условий для жизни. Нас гнали неведомо куда, и охранники напрямую нам говорили, что мы никому не нужный класс *кулаков-мироедов*, которых надо повсеместно изничтожать.

Тоня рассказывала – мама на сносях, а на руках полугодовалый Коля. Он умер в дороге. Потом умер и другой братик. У меня были братья, но я их даже ни разу не видела. Я не хочу об этом рассказывать, потому что всё это как будто прошло перед моими глазами и мне обидно и больно за всех...

– Конечно, не надо об этом – рассказывай только о себе.

– Так не получится. Ты вот говоришь – «твой велико-лепный диплом с отличием!»! А ты знаешь, что я училась с отличием только для повышенной стипендии, чтобы с неё каждый месяц посылать маме десять рублей. Она даже по старости не получала пенсию, не смогла собрать нужные справки. Да их неграмотным людям, как мама, и не давали. Органы власти (КГБ), когда вышло постановление о нашей реабилитации, стёрли в документах всё, что мы имели до раскулачивания. Ни дома, ни лошадей, ничего у нас якобы не было. Так что непонятно – за что мы вообще попали в список *кулаков-мироедов*?!

– Галочка, прости, я не знал!..

Она, всхлипнув, засмеялась. Мы осторожно, как инопланетяне, поцеловались.

– Когда родителям разрешили уехать из Чижапки, мы поселились в Таре, в завалухе, по окна вросшей в землю. Большие Уки в ста километрах от Тары на запад. Отец стал сапожничать, чинил обувь. Целыми днями не выпускал из рук ножей, молотков, колодок.

Он держал нас в строгости. Говорил нам, дочерям (сыновья-то умерли), блюсти себя. Это будет ваше приданое – и немалое, потому что весь Божий Мир на правде стоит.

Тогда церкви не разрешали строить. А мы, все *специоселенцы*, были верующими, нас называли баптистами. У нас всё было как у православных, только священника не было. Некому было справлять литургию. Говорят, перед нашим прибытием в Усть-Чижапку в Каргасоке был священник, но его убили, чтобы он не достался верующим. А мы не сдавались. Отец говорил, что без веры в Бога мы бы вымерли, как мухи-однодневки. А так – собирались вместе. Взрослые, которые были пограмотнее других, читали Библию, пели псалмы, а мы, дети, бегали, радовались, что раз в неделю у нас была возможность побыть вместе, как бы в домашних условиях.

Поначалу у нас не было молельного дома – комендатура НКВД не разрешала. Собирались в хибарках то у одного, то у другого. Во время войны некоторое послабление пошло, власть решила помириться с верующими. Кроме школы и больницы разрешили построить молельный дом. Да и комендатуре так было удобней наблюдать за нами. Я уже кое-что сама помню из военного времени. Нас перестали называть *кулаками-мироедами*, стали называть *трудоселенцами*. А потом, когда я пошла в школу в 1945 году, мы уже были *специоселенцы*. Молодёжи постарше, кто оканчивал начальную школу, разрешили оставлять Усть-Чижапку и со справкой от комендатуры уезжать на учёбу в город.

Тогда были в моде вечерние школы. Днём работаешь на каком-нибудь предприятии, а вечером ходишь в школу.

В свой молельный дом мы сносили всё лучшее, в основном книги – жития святых, дореволюционные учебники церковно-приходских школ. Наши учителя, такие же *трудоселенцы*, как и мы, выбирали из книг что-нибудь для нас, детей, и читали вслух, а мы запоминали. Приблизительно в третьем или в четвёртом классе мне попался дореволюционный учебник для оканчивающих приходскую школу. И там, в конце учебника, на последней странице, было обращение:

Вот вы, Иванов, Петров, или Сидоров, или другой русский человек, должны знать, что наша страна Россия простирается от полярных льдов до Китая. От Балтики до Тихого океана. Может случиться так, что в деревне, в которой живёте, вы единственный грамотный. Никогда не отказывайте

безграмотному человеку в помощи написать письмо. Всегда пропускайте впереди себя женщину и детей...

Я так поразились, что обращение было не в приказном тоне комендатуры, а как родительское наставление для правильной жизни. Обычно нам говорили, что до Октябрьской революции и советской власти ничего хорошего в России не было.

Я пошла в школу в 1945 году, после войны. У нас была начальная школа – четыре класса. Благодаря моельному дому и старшим сёстрам я была подготовлена к учёбе. Уже бегло читала, считала – учёба мне давалась легко. Меня ставили в пример, я всегда попадала в школьный список отличников, который передавался начальнику комендатуры. Он вёл учёт отличников, чтобы давать разрешение на выезд из Усть-Чижапки для продолжения учёбы – отличникам предписывалось учиться дальше.

И вот как-то по осени, так всегда было, пришли из комендатуры проверяющие, чтобы записать, сколько мешков картошки мы засыпали в подпол. Считалось, шесть вёдер – мешок. Попросили отца, и маму, и старших сестёр выйти на улицу, а меня оставили. Раньше так они не поступали. И вот один из них, с кожаной раскладывающейся сумкой, достаёт из неё вместо журнала кулёчек конфет и кладёт на стол: «Очень сладкие леденцы – попробуй?» Я говорю: «Ещё ничем не заработала конфет». Другой проверяющий согласился со мной: «Правильно рассуждает. Молодец – отличница». И спрашивает, знаю ли я про героизм Павлика Морозова. Начали ставить его в пример. И мне так страшно стало, потому что без папы и мамы и моельного дома мы бы не выжили. А люди из комендатуры потом часто так делали – соблазняли конфетами, подкупали, чтобы уличить родителей. И взрослые нам сказали, что всё возвращается к старому, власть опять начнёт изо всех сил притеснять нас. Но у власти это не получалось – у нас, верующих в Бога, никогда не было расхождений с родителями. Отец учил нас стоять на правде: да – да, нет – нет, а всё остальное от лукавого. С тех пор я не люблю конфеты.

– Знаешь, Галочка, всё, что ты рассказываешь, – слишком грустно.

– Я предупреждала, что мне нечего рассказывать.

– Нет-нет! Ты везде и всегда была отличницей, тебя, наверное, хвалили. Расскажи что-нибудь об учёбе – внукам будет интересно.

– В 1949 году я училась в четвёртом классе, оканчивала начальную школу. Знала как «Отче наш», что в комендатуре, если буду отличницей, мне выдадут справку на продолжение образования. Тоне и Вале такие разрешения, чтобы уехать из Чижапки, были не нужны – они уехали в Томск во время войны по оборонному призыву. Днём работали на каком-то военном заводе, а вечером учились в семилетней вечерней школе рабочей и сельской молодёжи. Аня уехала в Каргасок, в нашу районную больницу на курсы медсестёр. Отец стал часто болеть, и мы таким способом хотели помочь ему.

Вначале думали, что и я поеду в Каргасок, там тоже открыли семилетнюю школу с интернатом. Но Аня посмотрела интернат и сказала, что я там помру, там хуже, чем на каторге. Дети голодают, живут сами без догляда, как беспризорники. Тогда страну поднимали из руин, и всё выкачивалось из Сибири. С продуктами стало даже хуже, чем во время войны. Сёстры стали искать мне учебное заведение, чтобы и семилетку окончить, и специальность для жизни приобрести.

Мы материально жили очень бедно, но не понимали своей бедности. И совсем не потому, что нас поселили на голом месте и до жизни в хибарках мы жили в землянках. Мы, дети, жили и не в землянках, и не в хибарках – мы жили в мечтах и друг в друге. Даже вначале – друг в друге, а потом – в мечтах. Это трудно объяснить.

Где-то к весне в Усть-Чижапку приехали геологи. И один из них почему-то задержался у нас – то ли заболел, то ли по какой-то другой причине. Нам сказали, что временно он будет преподавать в нашей школе русский язык и рисование. Русский язык как предмет мы понимали. По русскому языку нам предстоял письменный экзамен – диктант. Урок пения мы ценили – умеющие петь составляли хор в моельном доме. А рисование – удивило нас. Мы с нетерпением ждали преподавателя – ко всему новому наши сердца были распахнуты настежь.

Он появился с классным журналом и обычным глиняным кувшином. Усатый, бородатый, с огненно-рыжими волосами

и заметно прихрамывающий, поставил кувшин на стол, выдал нам три карандаша и три листика бумаги из своего альбома и сказал: «Нарисуйте кувшин, и чтобы обязательно был на нём свет от окна, и тень от кувшина. Пусть рисуют те, кто уже когда-нибудь рисовал, а остальные пусть смотрят».

Трое мальчишек взялись рисовать – никогда бы на них не подумала, что умеют. Мы смотрели, как они рисуют, и, переживая, сплачивались вокруг них. Потому что у нас, детей *спецпоселенцев*, если кто-то что-то умел, то он умел как бы за нас всех. Мы не могли, чтобы дети *спецпоселенцев* были хуже других детей. И если у наших что-нибудь не получалось, мы не позволяли им расстраиваться – не торопитесь, подумайте и начинайте заново, потому что лучше вас всё равно никто не сможет. Мы действовали сообща – как бы один взрослый человек.

Геолог только раз подошёл к одному, к другому (он рассадил художников, чтобы у каждого был свой угол зрения). А потом подошёл ко второму окну, чтобы не заступать света кувшину, и простоял у окна весь урок. Один из наших художников спросил, можно ли пользоваться «стирательной» резинкой. Он сказал – можно, но ластика у него нет. Мы, конечно, имели свои «стирательные» резинки из каучука, но они оставляли следы и для слишком белой бумаги не подходили. А среди нас была такая маленькая и худенькая девочка Надя Меланич. Она сидела впереди меня, чтобы наши варианты заданий совпадали, и я ей подсказками помогала. И вдруг она шепчет: «Не беспокойтесь, я умею карандаш и даже чернила слизывать языком». Мы тогда писали не чернилами, их не было, а свекольным соком. В общем, пусть рисуют – она потом подчистит. «Ну, Надька, смотри!» – «Не переживайте – смогу». Она и правда все рисунки так хорошо подчистила – кувшины стояли на белых листах как живые. Геолог очень внимательно осмотрел листы, открыл классный журнал и каждому из нас поставил пятёрку.

Я почему так подробно рассказываю об уроке рисования? Мы о предмете «рисование» ничего не знали и не могли заранее подготовиться. Но сообща справились и чувствовали, что нам всё под силу. Мы умели жить друг другом.

Геолог нас отпустил на большую перемену и сказал, чтобы мы своими фамилиями надписали чистые листочки. Нам, как

выпускникам начальной школы, выдавали листы из амбарных книг, из которых мы нарезали листочки для повседневных занятий. Потом у нас было ещё несколько диктантов и даже изложение на вольную тему. Он забирал диктанты с собой, а на следующий день мы вместе с ним разбирали ошибки, и он нам рассказывал о существующих правилах в русском языке. Оценок за диктанты не ставил, только за усвоение правил орфографии и правописания.

В тот первый день так получилось, что в школьной канцелярии не оказалось амбарных журналов. Нашли всего несколько листочков. Он поднял меня, дал листочек и сказал: «Сейчас напишешь диктант. Я возьму его домой, проверю, а завтра мы все вместе сделанные тобою ошибки обсудим и заучим правила, чтобы не повторять ошибок. Так что чем меньше налепишь ошибок, тем меньше завтра придётся заучивать правил».

Он выбрал отрывок из сказа писателя Павла Бажова про Степана, горных дел мастера. Как он встретился с Хозяйкой Медной горы. Я почему запомнила? На следующий день, когда он вошёл в класс, первое, что сказал: «Урок по русскому языку, который мы намечали на сегодня, сорван – с чем вас всех и поздравляю!»

Мы тогда ещё не понимали его шуток. Напряжённо умолкли, а он продолжает: «Галина Южанина, встань. Вот, пожалуйста, полюбуйтесь на неё. Именно она сорвала урок».

Видит, что я покраснела, а все в недоумении. Посадил меня и объяснил, что вчера он попросил Галину Южанину поменьше делать ошибок, но она перестаралась и в диктанте не сделала ни одной. Что, конечно, похвально, но урок обсуждения ошибок, помогающих усвоить правила русского языка, придётся отложить. Мы радостно зашумели. Он тоже, глядя на нас, улыбался: «Ничего не поделаешь, опять будем писать диктант. Надеюсь, что на этот раз ошибки у кого-нибудь всё-таки будут».

Геолог занимался с нами всего месяц, а потом из комендатуры приехал большой начальник и подбострастничал перед ним. Геолог оказался очень важным учёным. И они вместе уехали в наш районный центр Каргасок – по вызову Москвы. Так говорили взрослые между собой. А мы слушали и мечта-

ли, что где-то там, в Москве, он скажет о нас – очень-очень умные дети растут в Усть-Чижапке. Учатся в четвёртом классе, а пишут диктанты за пятый и шестой классы на хорошо и отлично. Я тоже мечтала.

Перед самым отъездом он проверил наши изложения на свободную тему и сказал: «Галина Южанина опять меня “удивила и расстроила”. В изложении на свободную тему было бы логично использовать простые предложения – мы их изучали. Так нет, она использовала сложноподчинённые, с выделением прямой речи».

Мы уже знали, как он шутит. Я притаилась. А он, как бы рассуждая вслух, сказал, что пришёл к выводу, что у Южаниной всякие точки и запятые, знаки вопроса и восклицания и вообще вся её грамотность находятся не в голове, как у всех нас, а на кончиках пальцев. Примерно так же, как музыкальные ноты у особенно одарённых музыкантов. Ни одной ошибки, грамотно, всё по правилам русского языка. Попросил всех на перемене посмотреть на кончики моих пальцев. Меня задёргали – все желали посмотреть на мои кончики пальцев. Мне было стыдно, радостно и хорошо.

– Господи, какая ты молодец! (*Она благодарно улыбнулась, и мы опять осторожно поцеловались.*) И всё же странная, непонятная жизнь.

– А ты пойми. Мне одиннадцать лет. Я окончила начальную школу. Как тогда говорили – круглая отличница. Я захожусь в Томске, на железнодорожном вокзале. Путь неблизкий, через Новосибирск в Павлодарский техникум (один из немногих в Министерстве молочной промышленности, принимавших абитуриентов с начальным образованием). Я в подогнанной на меня Валиной тужурочке. В ней под подкладкой спрятаны свидетельство об окончании начальной школы и деньги на первое время. На руках только разрешение чижапкинской комендатуры о праве на продолжение образования и ходатайство к органам власти способствовать мне в прибытии на новое место обучения – в Павлодарский техникум. Его Валя выбрала и даже написала письмо директору, что я отличница, – меня ждали.

Стоим на томском вокзале, Тоня и Аня плачут, одна Валя держится, и я стараюсь. Подходит милиционер, пожилой

дядька – усы как у товарища Сталина. «Кто из вас несовершеннолетняя гражданка Галина Михайловна Южанина?» И тут уже Валя всхлинула: «Разве не видно кто?» – «Для меня вы все несовершеннолетние. Что в рюкзаке?» Взяла себя в руки, отвечаю бодро, как учили в комендатуре: «Еда. Полбулки хлеба, пол-литра молока сегодняшнего, варёные яйца, картошка, два помидора и три огурца, – и тут же спросила: – Скажите, я поступаю под вашу личную ответственность?» – «Моя ответственность только на перроне». Подвёл к проводнице и предупредил: «Едет на учёбу в Павлодар. Видно, из политических, но специального указания нет – по общим правилам».

В самый последний момент подбежала Валя, обняла: «Не расстраивайся, окончишь техникум, будешь ходить в белом халате». Она так сказала, потому что перед отъездом я два дня жила у неё. Валя училась на фармацевта, проходила практику в аптеке. Однажды я зашла к ней на работу – чистота, стёкла, пузырьки, мензурки сияют. Она вышла ко мне из-за витрины в белом халате и белой шапочке. Я прильнула к ней – «Валя, какая ты красивая!» В нашем, чижапкинских детей, понимании белизна и чистота не разделялись и являлись красотой. Валя засмеялась: «Белый халат всем идёт».

В силу своей памятьливости я многое помнила из Библии, но не понимала. Например – почему устами младенца глаголет истина? А теперь понимаю, что подлинно живут среди нас только маленькие дети, они не замечают ни рас, ни религий, ни наций, они живут Божиим тяготением, состоящим из Любви.

– Вот ты говоришь, Галя, «первые поцелуи – с тобой». Что хочешь думай обо мне, но ни за что не поверю, что ты до меня ни с кем не целовалась! Хотя бы в том же техникуме. Ты поступила в техникум в одиннадцать лет, плюс четыре года учёбы, тебе было пятнадцать лет.

– Кто тебе сказал? Я училась в техникуме восемь лет. Первые три года мы учились по школьным учебникам – оканчивали семилетку, которая стала восьмилеткой. А потом четыре года учёбы непосредственно в техникуме. Школьные предметы за девятый и десятый классы шли вперемежку с предметами по специальности. Нам давали среднее техниче-

ское образование. И ещё приплюсуй год работы мастером на Павлодарском молокозаводе – подтверждала диплом.

Здание техникума было очень красивым, его печатали на почтовых конвертах с подписью «город Павлодар» и маркой – герб СССР, а внизу цена марки – 40 копеек. Я почему запомнила? Мы снимали жильё в землянке, и к нам приходили женщины-казашки и просили писать письма на русском языке во властные инстанции. Писала я, потому что была самой грамотной и считала неприличным отказывать в написании письма. Поэтому конверты того времени остались в моей памяти на всю жизнь.

– Галя, пожалуйста, не отвлекайся. В каком году окончила техникум?

– В пятьдесят седьмом.

– По моим скромным подсчётам, в 1957 году тебе исполнилось девятнадцать лет, ты была взрослым человеком – и ни с кем не целовалась?!

– Ты совершенно не представляешь моей жизни. Помнишь, ты как-то сказал, что я мало читаю. Конечно, моё оправдание выглядит глупым, но я не оправдываюсь. Живя в землянке, я читала русскую литературу – «Муму» Тургенева, «Тараса Бульбу» Гоголя. И тогда же, наверное, прочитала «Дети подземелья» Владимира Короленко. И вот эти дети подземелья произвели на меня настолько сильное впечатление, словно это я была Марусей, из которой подземелье высосало всю жизнь. Я испугалась.

Мы тогда жили на окраине города, возле Иртыша, в землянке. В неё меня определил казах-милиционер прямо с вокзала, и я так и осталась в ней, потому что мест в общежитии уже не было. Девчонки, которые жили в землянке, были старше меня, но они были настолько забитые жизнью, что ничего не понимали в учёбе, и я им растолковывала правила орфографии и синтаксиса. И я видела, как они были благодарны мне, потому что их могли отчислить за неуспеваемость. А они хотели учиться, им необходим был русский язык. Мы вместе радовались успехам. Мы действительно были как дети подземелья.

Девушки-казашки вообще во мне души не чаяли. К ним приезжали родственники из деревни, внутри переоборудова-

ли нашу землянку под юрту. И письма, письма – всё свободное время писала письма, они не тяготили меня. В знак благодарности нам приносили молоко, хлеб, яйца, иногда копчёную баранину. Я была самой маленькой, но все приезжие разговаривали со мной как со взрослой. Иногда спрашивали, откуда я и почему здесь. Отвечала, что из Усть-Чижанки, *из спецпоселенцев*. И некоторые женщины закрывали лицо руками, и мне их было очень жалко, потому что они молча плакали. Письма-то их были в основном горестные. А ты говоришь – поцелуй!

– Не всё же время ты была в землянке? В техникуме, наверное, были и русские парни?

– В землянке я прожила три года. Когда стала учиться непосредственно в техникуме (меня как отличницу зачислили автоматически), предоставили место в общежитии.

– Ничего не понимаю, что за техникум такой?

– Сейчас трудно понять, но при техникуме нам давали семилетку, а потом ввели восьмилетку. А я приехала в Павлодар с четырьмя классами начальной школы. Для таких, как я, это была единственная возможность получить среднее образование и специальность. И я благодарна сестре Вале, что она нашла такое учебное заведение. И если честно, я и комендатуре благодарна, что обязала меня продолжить образование.

– Нет-нет, не для внуков, для меня признайся – в техникуме целовалась с кем-нибудь? Не поверю, что на тебя не обращали внимания!

– В каком смысле?

– Во всех смыслах. Отличница и так вообще!

– Вообще я была пигалицей и себя, какая есть, стала набирать в институте. Потому что освободилась от постоянной опеки и золотой обёртки – «отличница!», которая в техникуме иногда досаждала и даже доводила до слёз.

Однажды мы написали диктант. Преподаватель по русскому языку поднимает меня, «Мелкую», и через пространство между рядами парт – «Крупную» (так нас негласно называли). Подходит к одному ряду, другому, показывает диктанты. Один диктант весь красный от исправлений, а другой чистенький, написан каллиграфически. Я сама удивилась своему почерку – натренировалась на письмах. Преподава-

тельница говорит: «В одном диктанте двадцать три ошибки, в другом – ни одной. А теперь угадайте – какой из диктантов кому именно принадлежит?»

Я посмотрела на «Крупную», она сделалась как полотно и без всякого разрешения села за парту. Преподавательница стала поднимать её, но вместо неё встал парень, поступивший в техникум после армии, у нас таких уважали все. И говорит: «Знаете, некоторым людям ошибки идут и даже украшают их, а некоторым приходится только считать чужие ошибки».

«Крупная» демонстративно встала из-за парты и выбежала из класса. Преподаватель – Анна Ивановна Ляпунова разволновалась: «Беркутов, вы что себе позволяете?!» «Ничего, Анна Ивановна, двадцать три ошибки», – ответил он и тоже вышел из класса.

В классе тихо сделалось, я тоже впервые без спросу села за парту и, наверное, покраснела, усталилась в чернильницу. Я не услышала, как Анна Ивановна подошла ко мне. Очнувшись, когда она положила свою руку на моё плечо: «Галина, успокойтесь, вы настоящая отличница!»

Зазвенел звонок, и началось: «Галина, успокойтесь, вы настоящая отличница!» Или: «Анна Ивановна, двадцать три ошибки!» Или: «Беркутов, вы что себе позволяете?!» С одного урока – пословицы на все случаи жизни.

Моя визави вскоре ушла из техникума, а Беркутов на диктанты садился за мою парту и, не прячась, подглядывал, но Анна Ивановна делала вид, что не замечает. Когда я окончила техникум и получила диплом с отличием, Анна Ивановна Ляпунова упрашивала меня поступать в Московский педагогический институт: «Галина, ты отличница, тебя примут без экзаменов, попомни мои слова – ты станешь лучшим педагогом, у тебя есть интуиция к языку, а интуиция – это талант, езжай в Москву».

– Мы отвлеклись, не слышу рассказа о первом поцелуе.

Она засмеялась.

– Мои первые поцелуи были с тобой.

– Нет-нет, не увливай – меня интересует техникум.

– Честно говоря, я не знаю, что это было.

Я шла из умывальни, а около настёж раскрытой двустворчатой двери на лестницу стоял этот самый Беркутов.

Он пользовался у девчонок вниманием, и мне было приятно, что возле лестницы он довольно часто подкарауливал меня. Он подкарауливал в серой бобке с чёрными вставками на плечах. Она ему очень шла, но в ней он не ходил на занятия, и я поняла, что он надевает её, чтобы понравиться.

Сейчас не помню, о чём конкретно мы в тот раз говорили. Девчонки, проходившие на лестницу, бросали на нас завистливые взгляды, а нам с Беркутовым, пропуская их, приходилось сближаться и отступать за косяк двери. Такое бывало и раньше, и я не придавала этому значения. Вместе засмеёмся, и всё. А тут в один из таких моментов он вдруг схватил меня и с силой поцеловал прямо в губы. Это было так неожиданно и так неприятно. Я двумя руками изо всех сил оттолкнула его. А рядом стояла урна. Я наклонилась и плюнула в урну, потому что до этого никогда не целовалась и испытала просто непередаваемое отвращение ко всему, что произошло.

– Думаю, своим поведением ты очень оскорбила Беркутова.

– Не знаю, кто кого оскорбил, но после этого случая избегала его, и он отстал. Всё, больше ничего рассказывать не буду – ни тебе, ни внукам, никому!

– Ладно-ладно, не горячись.

Я, словно Беркутов, внезапно схватил её, и мы, смеясь, унеслись в облака.

30.07.2019, Крым, пгт Черноморское